

**Новокузнецкий литературно-мемориальный музей
Ф.М. Достоевского**

**Творчество Ф.М. Достоевского:
проблемы, жанры, интерпретации**

Сборник №9

Новокузнецк

2012

ПИСЬМО М.Д. ИСАЕВОЙ ОТ 4 ИЮНЯ 1855 ГОДА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского, охватывающее события в Кузнецке 1855-1857 годов, представлено 39 письмами. Среди них самыми пострадавшими от времени и обстоятельств являются послания писателя из Семипалатинска в Кузнецк к Марии Дмитриевне Исаевой: почти двухлетняя переписка утрачена, до нашего времени дошло только письмо, датированное 4 июня 1855 года.

Уже один этот факт не позволяет усомниться в уникальности эпистолярного документа ушедшей эпохи. Письмо Ф.М. Достоевского от 4 июня 1855 года – это единственный в своем роде источник изучения интимной переписки литератора в «кузнецкий период». В нем воплощены особенности авторского творческого мышления и культурной традиции, которые характерны для середины XIX века.

Текст письма Достоевского стал известен широкому кругу читателей спустя 36 лет после его написания благодаря первой публикации в №4 журнала «Нива» за 1891 год. В настоящее время подлинник письма хранится в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) – ф.93, оп.2., №81, лл.12-13 [3; с. 461].

Письмо представляет собой ответ на почтовое отправление М. Исаевой, созданное ей по пути в уездный город Кузнецк. Это первое послание Достоевского из Семипалатинска, направленное Исаевым после расставания с ними. К сожалению, письмо возлюбленной писателя, послужившее причиной для отклика, не сохранилось. Об этом сообщается и в комментариях, опубликованных в 28 томе (часть I) собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах: «Письма М.Д. Исаевой к Достоевскому неизвестны» [3; с. 461]. Несмотря на утрату корреспонденции возлюбленной, в интересующем нас тексте Достоевского достаточно четко ощущается ее «присутствие», так как адресант неоднократно апеллирует к письму, ведет активный диалог с Исаевой: «Вы пишете, как я провожу время, и что не знаете, как расположились без Вас часы мои» [2; с. 186], «Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу по многим важным причинам» [2; с. 188], «Ваше письмо, за которое благодарю Вас несчетно, было для меня радостью» [2; с. 189], «Как мне было жаль, что Вы хворали дорогой» [2; с. 189] и др.

В литературоведческой среде считается, что письмо, фактически адресованное М.Д. Исаевой, на самом деле создавалось для обоих супругов – Марии Дмитриевны и Александра Ивановича. Об этом свидетельствует, прежде всего, использование Достоевским местоимения «вы» то во множественном (с маленькой буквы), то в единственном числе (с большой буквы).

Употребление «Вы»/«вы», думается, вызвано не только желанием писателя четко разграничить адресатов, но и тайнописью интимного послания. Достоевский сдерживает себя, не выходит за границы дозволенного эпистолярным этикетом. Пытаясь контролировать эмоции, он одновременно высказывает и зашифровывает чувство. Писатель в полной мере осознает определенную информационную открытость письма и экстралингвистические особенности его трансляции: скорее всего, оно будет прочитано не только Марией Дмитриевной лично, но и перечитано ею вслух мужу.

Перечитывание писем вслух как акт культурного поведения и способ передачи информации было характерно для середины XIX века. В частности, сам Достоевский сообщает о таком факте из личной жизни в конце интересующего нас послания: «Письмо Ваше прочитывал Врангелю (местами, конечно)» [2; с. 189]. При чтении вслух граница между «Вы» и «вы» стирается, письмо же сохраняет форму послания к обоим супругам. Редкое сочетание в переписке Достоевского скрытности и открытости сообщают письму от 4 июня 1855 года потрясающую энергетику и эмоциональный заряд.

Анализ формы и семантической структуры письма к Исаевой позволяет охарактеризовать его как сложное эпистолярное образование, построенное по законам художественной контаминации. В контексте письма художественная контаминация проявляет себя в самом широком смысле: и как комбинация разновременных жизненных эпизодов, выстраиваемых адресантом в определенном порядке, и как нанизывание на будничный эпистолярный рассказ событий из других текстов: литературных, историко-биографических, внутренних – монологов и сугубо личных переживаний. Здесь и элементы бытовой переписки, и дневниковая авторская исповедь, и лирические отступления, ярким акцентом которых выступает художественная деталь, и эстетические (или культурологические) по своей сути оценки людей и событий, и воспоминания, плавно перетекающие в белый стих, балансирующие на грани литературного творения и собственно эпистолярия.

Послание вмещает в себя разножанровые и неравнозначные по размеру и содержанию элементы, в диалоге которых угадывается полифоничность романов «Великого Пятикнижия», что позволяет назвать письмо от 4 июня 1855 года переходной стадией письменного высказывания. Очевидно, мы имеем дело с феноменом, созданным Достоевским на грани эпистолярного документа и литературного произведения, точнее, его наброска, черновика.

Насильно лишенный на несколько лет возможности писать и читать, Достоевский использует письмо как некую экспериментальную площадку, где происходит поиск и оттачивание нового стиля, где развиваются, прорастая друг в друга, элементы бытового послания, личного дневника и литературно-художественного текста. Поэтому неслучайно, что главной специфической чертой письма от 4 июня 1855 года является высокая степень его «литературности».

Прежде всего, это выражается в тексте через способы мышления Достоевского, характеризующие творческое писательское сознание в 50-ые годы XIX столетия.

Письмо к Исаевой, облечено в форму непринужденного разговора, отчасти – транслирующее поток сознания адресанта, не отличается строгостью внутреннего строения. Между его частями почти отсутствуют прочные связи. Движение и развитие текста осуществляется за счет привязки к какой-либо мысли из письма Исаевой (внешний импульс) или к слову, группе слов в предыдущем предложении (внутренняя связь). Ведущую роль в образовании эпистолярного текста играет не только традиционное для жанра письма перечисление бытовых событий, напоминающее у Достоевского скучный отчет, но и активно используемые им литературные приемы. Среди них – внезапно возникшие авторские ассоциации и воспоминания, лирические отступления, многочисленные повторы и неоднократные возвращения к определенному кругу тем, образов, мотивов и др.

Информационно-событийный пласт письма от 4 июня в прямом своем значении достаточно скучен: мы узнаем о прибытии генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, ожиданиях приезда А.Е. Врангеля, о посещении Ф.М. Достоевским Казакова сада и старой квартиры Исаевых. На этих жизненных моментах автор долго не задерживается, упоминает вскользь, всего в нескольких строках. Достоевского интересуют события иного порядка, имеющие для него непреходящую ценность. Он переводит событие во внутренний план, в сферу своих душевных переживаний, которая олицетворена и вневременна. Письмо Достоевского от 4 июня

1855 года раскрывает перед нами богатый внутренний мир адресанта, именно это становится главным объектом описания: здесь совершаются истинные события, достойные глубоких и пространных изображений. Быт отступает, давая жизнь художественному творчеству. Какой-либо факт перетекает у Достоевского в литературные размышления, в обрисовку его эмоционально-чувственной сферы, порождает новые, вполне законченные истории, которые попутно обрастают редуцированными диалогами и раздирающими душу мелочами – претендентами на статус художественной детали: «Как свежо я все припомнил, прия теперь в сад. Там ничего не изменилось, и скамейка, на которой мы сидели, та же...» [2; с. 188]; «Проводив вас до леса и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку...» [2; с. 188]; «Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дома» [2; с. 189].

Примечательно, что сложный, эмоционально напряженный внутренний мир Достоевского предстает в письме от 4 июня 1855 года одновременно с развертыванием ключевой, всегда волновавшей литератора, эпистолярной темы. Более точно ее можно обозначить так: «Письмо как эстетическая категория в бытовом и художественном сознании писателя и его персонажа».

Исследователи-достоевковеды (А. Жид, Ким Джун Сок, Л.М.Розенблюм, Г.М. Фридлендер и др.) неоднократно обращали внимание на то, насколько драматично складывались отношения писателя с созданием текстов в эпистолярном жанре. О «странным, непобедимом, невозможном отвращении писать письма» [4; с. 11] на склоне лет говорил и сам Достоевский. Но при всем этом именно письмо, несущее его автору одновременно страдание и отраду, являлось той оптимальной формой, в которой органично существовало творческое сознание Достоевского.

Можно предположить, что роман в письмах «Бедные люди» произвел в литературной жизни настоящий фурор и сделал молодого автора в одночасье знаменитым, именно по этой причине. В «кузнецкий период» Достоевский определяет «Бедных людей» как роман-пророчество в личной судьбе. Об этом эпистолярном произведении он вспоминает в переписке с А.Е. Врангелем и сопоставляет себя и Марию Дмитриевну с созданными им в 1845 году литературными персонажами – Макаром Девушкиным и Варенькой Доброселовой.

Достоевский будет возвращаться к письму как к важнейшей категории творческого сознания неоднократно. Позднее, работая над другими

произведениями, например, «Преступлением и наказанием», он превратит бытовое послание матери Раскольникова в движущую силу романного сюжета.

В тексте послания от 4 июня 1855 года на разных уровнях проявляется его эстетическая сущность. Мы узнаем о своеобразии и подробностях письмописания Федора Михайловича, о его культуре чтения писем, об отношении автора к чужим и своим письмам, о предпочтениях и пожеланиях Достоевского-читателя, о своеобразной истории создания и семантической окраске письма «кузнецкого периода».

Первый аспект развития эпистолярной темы связан у Достоевского с процессом создания самого письма. Сначала может показаться, что письмо от 4 июня – второе почтовое отправление Достоевского в Кузнецк, но, на самом деле, это не так:

«Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Еще к прошедшей почте был у меня подготовлен ответ на ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло. Александр Егорович, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и узнал только в воскресенье. Человек его тоже исчез на два дня, и письмо осталось у меня в кармане. Какое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отправится ль и это письмо» [2; с.186].

Мы имеем дело с вторичным отблеском событий – переписыванием эпистолярного текста заново, с письмом, которое было откорректировано и представлено Достоевским в новой редакции. Иными словами, с письмом-двойником, значительно отличающимся от своего предшественника, прежде всего, по степени литературной обработки. Анализ почерка Достоевского в подлиннике письма от 4 июня 1855 года – плавный, четкий и разборчивый – подтверждает, что сохранившийся вариант не представляет собой беглую и лихорадочную фиксацию на бумаге, мгновенную реакцию Достоевского на событие. Напротив, это продуманный эстетический поступок, достаточно отстраненный от первого впечатления, а значит, концентрирующий более-менее зрелые высказывания и оценки писателя, глубоко пережитые им впечатления.

Появление письма-двойника – сущностный момент в контексте изучения «кузнецкого периода» Достоевского, ведь, как известно, обо всех подробностях взаимоотношений Достоевского и Исаевой мы узнаем не из первоисточника – переписки влюбленных, а именно из писем-двойников – писем к А.Е. Врангелю, другу писателя и поверенному его чувства. Кроме того, драматичная история Марии Дмитриевны позднее

будет многократно воспроизведена Достоевским в письмах к друзьям и родственникам, у которых он будет просить материальной поддержки для спасения любимой женщины (А.Е. Врангелю, В.М. Карепиной, М.М.Достоевскому, Э.И. Тотлебену и др.). Целые текстовые пласти, освещающие перипетии жизни и судьбы семьи Исаевых, как бродячий сюжет, будут пронизывать переписку Достоевского 1855-1857гг., а затем, воплощенные художественно, попадут на страницы «Униженных и оскорбленных», «Преступления и наказания», «Идиота», «Братьев Карамазовых»...

Таким образом, в «кузнецкий период» на уровне эпистолярия Достоевский сохраняет и удерживает в поле зрения ценную для него литературную тему «двойничества», обозначенную еще в фантастической повести 1845 года. При этом он выходит на новый уровень ее осмысления и впоследствии воплотит в многоуровневой системе взаимоотражений и перекличек персонажей-двойников, населяющих романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы».

Второй аспект развития эпистолярной темы в июньском письме 1855 года связан с мотивом постоянного беспокойства адресанта. Сначала - за участь собственного творения, затем - за судьбу Марии Дмитриевны и ее семьи.

Письмо к Исаевой демонстрирует одну из самых драматичных для писателя ситуаций: оно еще не отправлено, оно так и осталось у него в кармане. Это усиливает тревогу, о чем красноречиво свидетельствуют вербализованные жесты Достоевского: в эпистолярной ткани послания существуют «следы» нетерпения писателя – он трижды упоминает А.Е. Врангеля, от которого зависит отправка письма: «Александр Егорович, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев»; «Александра Егоровича еще нет. Но за ним послали нарочного», «Ах, кабы было с этой почтою; ходил справляться, но Александра Егоровича все еще нет» [2; с. 186].

Волнение Достоевского за судьбу письма перерастает в неутихающую, звучащую, как набат, тревогу за Исаеву: «Как-то Вы приехали в Кузнецк и, и чего, боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогою?» [2; с. 186]; «Только об Вас и думаю» [2; с. 186]; «Я до сих пор не придумаю, как Вы доехали!» [2; с. 189]; «Я так беспокоюсь! Как-то Вы доехали» [2; с. 189]. В крайних своих формах тревога приобретает оттенки мистической обреченности, страха, невозможности что-либо исправить, приближает автора письма к состоянию нервного срыва: «Я до сих пор за Вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут еще и

болезнь, да как это вынести!»; «Боже мой! Да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дряги, Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба!» [2; с. 186].

Беспокойство как лейтмотив письма подсвечивается целым спектром эмоционально-чувственных писательских переживаний. Так, с получением следующего письма от М.Д. Исаевой соотносится напряженное ожидание, отсутствие внутренней гармонии и покоя: «Жду с нетерпением Вашего письма» [2; с. 186]; «Когда-то дождусь Вашего письма! Я так беспокоюсь!» [2; с. 189]; «Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше» [2; с. 189]. Ожидание Достоевского подкрепляется многочисленными, перемежающимися друг друга, восклицаниями и вопрошениями, что обнажает внутреннее смятение адресанта. Автор настолько напряжен, что на произнесенные им самим риторические вопросы готов дать ответы за своего собеседника: «Неужели разлука нас переменит? Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности» [2; с. 186].

Внутреннее беспокойство писателя выливается во внешнее – в бесцельное блуждание по уголкам Семипалатинска. Неслучайно Достоевский сопоставляет себя с Вечным Жидом – скитальцем из средневековой легенды, обреченном на пожизненное странничество в наказание за то, что отказался помочь Иисусу нести крест, с которым тот шел на распятие. Таким образом, перед нами раскрывается третий аспект «литературности» письма от 4 июня 1855 года: облик адресанта ассоциативно обогащается, выходит в сферы культурологии, религиозной философии, живописи и, конечно, вписывается в контекст произведений классической литературы (Шубарт, Гете, Жуковский, Эжен Сю и др.).

Несмотря на то, что послание в Кузнецк представляет собой более «зрелый», взвешенный и продуманный текст (письмо-двойник), оно не удовлетворяет Достоевского. Автор считает письмо синонимом информационной неполноты и с сожалением отмечает, что передать с помощью него бурный поток личных переживаний и параллельно развивающихся мыслей невозможно: «Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме» [2; с. 187]. При этом эпистолярный текст является для писателя в какой-то мере рабочим пространством: здесь проходит постоянное обучение качеству письма, умениям правильно высказываться в письменной форме. В письме, изначально ориентированном на чужое восприятие, литератор ищет адекватное его размышлению слово. То слово, которое поймет и правильно воспримет собеседник. Гораздо

позднее, в марте 1878 года, эту же мысль Ф.М. Достоевский сформулирует в послании к В. В. Михайлову: «Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею положительно высказываться в письме. Напишишь иное письмо, и вдруг вам присылают мнение или возражение на такие мысли, будто бы мною в нем написанные, о которых я никогда и думать не мог» [4; с. 11].

В части поиска яркого, образного, убедительного, понятного слова написание писем было для Достоевского «критерием трудности» [13; с. 14]. Каждый раз, создавая эпистолярное послание, он преодолевает «некий внутренний барьер, – боязнь, что слова исказят, упростят мысль и чувство» [13; 14]. Таким образом, в послекаторжный период эпистолярий становится в определенной степени обучающей площадкой для Достоевского-литератора. В его рамках апробируются новые принципы эстетики. Это четвертый аспект проявления «литературности» в послании от 4 июня 1855 года.

Для Достоевского письмо – это поступок, дело. С помощью эпистолярия он пытается решить целый комплекс разнообразных проблем: бытовых, межличностных, внутренних, но, главное, – эстетических. В письмах писатель постигает новые принципы художественного творчества, пути и способы выражения мыслей и чувств, связывает с ними особые надежды. И, как правило, остается недовольным и неудовлетворенным поисками, как может быть огорчен своим творением любой настоящий мастер слова, стремящийся к более высокой планке, требующий от себя все новых и новых идей, вариантов, более точных определений.

По Достоевскому, письменное сообщение несет в себе изначальное проклятье, навевает мысли о расставании и одиночестве, вызывает боль: «Письмо потому уже проклятое, что напоминает разлуку, а мне все ее напоминает» [2; с. 187]. Противостоять этому может, пожалуй, качество писем, о котором всегда заботился писатель. Как тонкого психолога и мастера детали, Достоевского очень волнует не только качественный уровень собственного эпистолярного творчества, но и уровень переписки собеседника. В письме от 4 июня он предстает перед нами как чрезвычайно чуткий и внимательный, отзывчивый на чужое слово читатель и напрямую высказывает свои предпочтения и настоятельные пожелания адресату: «Как мило Вы написали письмо, Марья Дмитриевна! Именно такого письма я желал; как можно больше подробностей, и вперед так делайте» [2; с. 189].

Разговор о «литературности» кутиецкого письма Достоевского от 4 июня 1855 года невозможно представить без обращения к авторским лирическим отступлениям. Онимягкими волнами вплетаются в общую ткань повествования и придают письму ни с чем несравнимую притягательность. Эти художественные фрагменты, приближенные к белому стиху, органично вкраплены в быточное повествование. Через них раскрывается пятый аспект выявления «литературности» в эпистолярном тексте и передается романтический настрой автора письма, его драматичный, наполненный поэзией, внутренний мир.

Лирические «острова» в эпистолярной ткани Достоевского достаточно разнообразны. Например: раздумья о своем внутреннем состоянии («Вы пишете, как я провожу время, и что не знаете, как расположились без Вас мои часы...»[2: с. 186]); размышления о роли женщины в послекаторжной жизни («Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку уже было целой эпохой в моей жизни» [2: с. 187]); эмоциональные переживания, вызванные нарушением привычного жизненного ритма («По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал, а Вы верно бы надо мной не посмеялись за это» [2: 1с. 87]); воспоминания («Как вспомню прошлое лето» [2: с. 187-188]). Но насколько тематически разнообразны не были бы лирические фрагменты, так или иначе, они навеяны строками из письма Исаевой или ее образом.

По стилю такие фрагменты перекликаются с «излияниями сердца» литературного персонажа Макара Девушкина, обнажают чуткую и ранимую душу писателя, его переживания по поводу объекта любви, и в то же время мягким пунктиром выстраивают картину мира Достоевского в послекаторжный период, намечают доминантные черты новых художественных образов.

Прежде всего, это касается восприятия образа Марии Дмитриевны Исаевой. В письме от 4 июня 1855 года Достоевский дает любимой женщине особые характеристики, которые чрезвычайно важны и для осознания его собственного творческого развития.

Писатель видит образ Марии Дмитриевны в ореоле святости, бесконечной доброты и участия, братско-сестринской любви, преодоления смерти. Определения, которые он находит для объекта любви, привиты ему христианской православной традицией: «сердце удивительной младенческой доброты», «Вы были мне моя родная сестра», «родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добре

и мягче Вас», «женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта» [2; с. 187]. Над строками Достоевского будто витает знакомый образ Девы Марии, заступницы всех страждущих – олицетворение сострадания, милосердия и чистоты. Более того, этот образ имеет определенный извод, а именно – Богоматерь Одигитрия (Путеводительница): «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни» [2; с. 187].

Зафиксировав этот жест, Ф.М. Достоевский тем самым определяет не только значимость человека в реальной жизни и творческой судьбе (указующая верный путь), но и устанавливает ценность всему «кузнецкому периоду» (целая эпоха). Вербализованный Достоевским жест как будто предугадывает и дальнейшее развитие событий; это предчувствие новых встреч с Марией Дмитриевной и их венчание 6 февраля 1857 года в Одигитриевской церкви города Кузнецка. Можно предположить, что эти строки из письма Достоевского о женщине, указующей верный путь, станут впоследствии точкой отсчета и для художественных воплощений женских образов, неотъемлемой частью которых, как убедительно показала Т.А. Касаткина [8],[9], является словесная икона, в частности – лик Девы Марии.

Эмоционально подавленное состояние, вызванное отсутствием Исаевой, писатель сравнивает сиротством: «Вот уже две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один!» [2; с. 186]. Одинокий и грустный влюбленный – человек без какой-либо поддержки, душевно опустошенная личность, Вечный Жид. Писатель сопоставляет этот тип одиночества с арестом и насильственным погребением в тюрьме в 1849 году. Соответственно, женщина, которой можно «излить свое сердце» в тяжелую минуту, становится чудом, божественным даром, символом возрождения, воскресения к новой жизни: «На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное. А теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту» [2; с. 187].

Таким образом, в письме к Исаевой от 4 июня 1855 года мы встречаем не просто оценку человеческих качеств адресата, а существенные характеристики женского образа, оформленные Достоевским в культурологическом, литературно-художественном, религиозно-символическом ключе, в соответствии с принципами новой эстетики. Это шестой аспект проявления «литературности» в эпистолярном тексте.

Еще один из способов представления авторского творческого сознания – включение литературного рассказа в эпистолярий. Этот аспект

завершает разговор о «литературности» письма Достоевского от 4 июня. В тексте мы встречаем две короткие, намеченные штрихами, но вполне законченные истории. Первая – повествование Достоевского о том, какой разговор состоялся у Врангеля с семипалатинцами по поводу Марии Дмитриевны. Эта история звучит как слово поддержки адресату, причем одновременно с двух сторон – от автора письма и от его друга Врангеля, человека, «который бесспорно видел женщин самого лучшего общества» и имеет авторитет [2; с. 188]. Вторая история – пересказ отрывка из предыдущего письма Исаевой о родственнице ее супруга Александра Ивановича, «негодной старухе» «с моськами» [2; с. 189] и деньгами, в обмен на завещание планирующей поселиться в семье.

В мини-рассказы, возникающие у Достоевского «к слову» [2; с. 188], включены элементы стиля художественной литературы. Среди них – небольшой диалог, который ведет Врангель с персонажами, олицетворяющими круг провинциальных обывателей (Петр Михайлович Пешехонов, «тут были кое-кто» [2; с. 188]); цитаты (например, достаточно развернутая цитата Врангеля, представляющая собой комплимент Исаевой); положительная оценка истории со стороны Достоевского, замыкающая ее в композиционное кольцо; использование юмора.

Замечательно, что оба рассказа, как и в целом интересующее нас эпистолярное послание от 4 июня, являются густонаселенными. Достоевский будто пытается услышать и воспроизвести голоса своих будущих персонажей, передать полифоничную атмосферу реальности. Каждое из маленьких повествований, расположившееся внутри эпистолярного текста, чревато конфликтом, спором, какой-тоссорой и, кажется, готово перерасти в безобразную конclaveную сцену, но только узкие рамки письма этого не позволяют...

Письмо к М.Д. Исаевой как единственный и уникальный в своем роде источник изучения интимной переписки Достоевского в «кузнецкий период» неопровергимо свидетельствует о начале второго литературного рождения автора. Он упорно ищет адекватное новому мироощущению слово, формирует оригинальный авторский стиль, вплотную приближаясь к художественному миру романов «Великого Пятикнижия».